

вопросовъ и идеаловъ въ своей самостоятельности изъ-емлется имъ изъ исторической философіи, и ея реализмъ дѣлается потому одностороннимъ, близкимъ къ натурализму, что, съ проповѣдью въ «Войнѣ и мирѣ» открытаго фатализма, весьма естественно должно было отталкивать отъ исторіософическихъ разсужденій гр. Толстого многихъ читателей и критиковъ.

III. Главные пункты исторической теоріи въ „Войнѣ и Мирѣ“.

Создавая свою историческую философію, гр. Толстой въ сущности говоритъ о цѣломъ переворотѣ въ исторической наукѣ: жалобы на современное состояніе исторіографіи и проекты реформы въ ней довольно часто встрѣчаются за послѣднія десятилѣтія, и притомъ не въ одной русской литературѣ; исходятъ они большею частью отъ не-специалистовъ, которымъ не всегда извѣстно дѣйствительное состояніе исторической науки въ наше время. «Война и миръ» не заключаетъ въ себѣ указаній на то, чтобы гр. Толстой изучалъ этотъ вопросъ и былъ знакомъ съ обширной литературой, посвященной именно рѣшенію историко-философскихъ вопросовъ, а потому многія возраженія, дѣлаемые имъ историкамъ, являются, по крайней мѣрѣ, запоздалыми, тогда какъ другія прямо обнаруживаютъ незнакомство съ тѣмъ, что дѣлается въ исторической наукѣ. Гр. Толстой составилъ себѣ нѣкоторое общее представленіе объ историкахъ, весьма для нихъ нелестное, и при каждомъ удобномъ случаѣ, отзывается о ихъ дѣятельности, какъ о чемъ-то смѣшномъ: «историки *съ наивною увѣренностью* говорятъ» то-то и то-то, (IV, 1),